

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

АНГЕЛ НОВОГО
ПОКОЛЕНИЯ

МОСКВА

Лучшее лекарство от скуки – авантурные детективы

Татьяны и Анны Поляковых:

Сериал «Таинственная четверка»

Миссия свыше
Коллекционер пороков
и страстей
Знак предсказателя
В самое сердце
Четыре всадника раздора
Тень у порога

Сериал «Я и Владан Марич»

Найти, влюбиться и отомстить
Жаркое дыхание прошлого
Не вороши осиное гнездо
Сыщик моей мечты
Голос, зовущий в ночи
Когда я вернусь
Свет мой тишина
Три с половиной оборота

Сериал «По имени Тайна»

Две половинки Тайны
Тайна всегда со мной
Ключ к нашей тайне

Сериал «Ольга Рязанцева – дама для особых поручений»

Все в шоколаде
Вкус ледяного поцелуя
Эксклюзивный мачо
Большой секс в маленьком городе
Караоке для дамы с собачкой
Аста Ла Виста, беби!
Леди Феникс
Держи меня крепче
Новая жизнь не дается даром

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

АНГЕЛ НОВОГО
ПОКОЛЕНИЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© izzy71, haitham basiouny / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Редактор серии *Л. Адаменко*
Оформление серии *Е. Петровой*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Ангел нового поколения : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-223809-3

Что бы вы подумали, получив по электронной почте послание от Азазеля — ангела смерти? Чья-то дурацкая шутка! Вот и Ульяна Осипова подумала так же. Но когда погибли две ее коллеги, получившие такое же послание, она поняла, что это — увы! — не шутка. Кто-то ловко манипулирует ею, преследуя свои явно недобрые цели. Ульяне пришлось покопаться в истории, узнать о существовании пятого Евангелия, увидеть труп человека, замурованного в стене, и... ничуть не приблизиться к разгадке Азазеля...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223809-3

© Полякова Т.В., наследники, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Сын человеческий
идет по предназначению,
но горе тому человеку,
которым Он предается.

(Евангелие от Луки, 22–22)

Вечер

Я отчетливо помню последний вечер моей прежней жизни. В малейших деталях, точно это было вчера. Помню запах лаванды. Я открыла пузырек с лавандовым маслом, пузырек выскользнул из рук, я успела его подхватить, но несколько капель все равно упало на ковер, этот аромат преследовал меня, я открыла окно, но и легкий ветерок, что надувал тонкую тюлевую занавеску парусом, нес с собой запах лаванды.

Лавандой пахла диванная подушка, когда я устраивалась на диване с книжкой в руках, подогнув под себя ноги и укутавшись пледом. Плед был шерстяным, теплым, в крупную клетку. Его привезла из Болгарии моя бабушка, давно, лет двадцать назад, а может, и больше. Сколько себя помню, он всегда лежал на спинке кресла в гостиной. Он был таким уютным и теперь тоже пах лавандой, как мои пальцы.

Странно, что запах держался так долго. Я боялась, что у меня заболит голова, таким насыщенным, даже одуряющим он казался. Оттого я и распахнула окно, оставив дверь в комнату открытой настежь, занавеска надулась парусом. А запах оставался. Может, дело не в нескольких каплях масла, что пролились на ковер,

а в том, что пришла весна? Я вздыхала, разглядывая свои руки, длинные, тонкие пальцы, белую после зимы кожу с тонкой сеточкой вен на тыльной стороне ладони. Когда я держала их рядом с пламенем свечи, ладони казались прозрачными. А сердце вдруг начинало биться с безумной скоростью, и вновь меня мучил этот запах, наполняя грустью и ожиданием. Наверное, потому, что весна — это всегда любовь. Свою я переживала только в мечтах. Долгими вечерами, устроившись в кресле или на диване в своей однокомнатной квартире, закрывала глаза, книга скользила из рук, и я уже видела себя, а не героиню, которой только что сопереживала и над судьбой которой плакала, и это была уже моя судьба. Невероятная встреча, чувства, вдруг вспыхнувшие и захватившие целиком. И вот я бегу, бегу в своих мечтах все дальше и дальше от реальности.

«А вдруг ничего не будет?» — испуганно подумала я, отрываясь от книги и шаря глазами по своей комнате, по бесконечно знакомым вещам, свече в подсвечнике в виде фигуры ангела. Он был деревянным, стареньким, краска давно облупилась, но я любила его и не желала с ним расставаться, почему-то веря, что он приносит удачу.

— А вдруг ничего не будет? — повторила я вслух, но все во мне противилось этой мысли, душа моя кричала: «Будет, будет! Непременно будет!» И я вновь погружалась в чужие чувства, и они становились моими.

Я обожала Переса-Реверте. Но в тот вечер, дочитав последнюю страницу его романа, вдруг недовольно нахмурилась. Ах, какие страсти... и какой конец... сплошное разочарование. Обыденно, просто, все как в настоящей жизни. Настоящая жизнь не очень-то привлекала меня в книгах. Настоящая жизнь начиналась в семь утра, когда я поднималась на работу, и длилась

до шести вечера, когда я обычно возвращалась домой. Размеренная жизнь, которую вполне можно назвать счастливой. Работа, деньги, перспективы, все это было, но разве это главное в жизни, когда запах лаванды сводит с ума? Вот сейчас распахнется дверь, и войдет он... в реальной жизни не войдет, раз входная дверь заперта, а в моих мечтах — пожалуйста.

Я закрыла глаза и начала придумывать свой конец чужого романа. И тут вдруг свеча погасла, а мой ангел упал на ковер, и его крылья, что держались на серебряном гвоздике, отвалились. При свете настольной лампы я смотрела на закапанный воском ковер, воск густел на глазах и теперь уже не походил на слезы. Ангел без золоченых крыльев взирал на меня укоризненно, и я испугалась. И даже покосилась на дверь, а потом на окно. Дверь и окно были закрыты. Я подняла золотые крылья, прижала их к спине ангела, надавила на серебряный гвоздик. Ангел вновь стал крылатым. Я поправила свечу, но не рискнула ее зажечь. Вместо этого включила верхний свет и прошлась по квартире.

Все как обычно. Если не считать какого-то странного чувства, что за мной наблюдают. На кухне я подошла к окну, выглянула во двор. Половина первого ночи, двор тонет в темноте. Высокая береза почему-то выглядит угрожающе. Голая ветвь как рука голодного, что тянется за подаванием, но в этом жесте не мольба, а требование.

Последний вечер той, прежней жизни не был спокойным. Наверное, я что-то предчувствовала, и мой ангел пытался предупредить меня, что зло, или Сатана, как их там ни назови, какая разница, если суть одна, уже стоял за спиной, дышал в затылок. Потом, много позже, в больничной палате вспоминая то, что произошло, я попытаюсь понять, что это было: высшая воля

или череда случайностей? Просто ли хаотичное сцепление поступков, чужих и моих, и вот происходит то, что происходит? Есть в этом мире неведомый дирижер или мы живем в водовороте совпадений? Вот, я не иду в аптеку, не покупаю но-шпу... и ничего не происходит? В это трудно поверить. Теперь, по крайней мере. Если это случайность, то все-таки неизбежная. И не отправься я тогда в аптеку, тот журнал наверняка попался бы мне на глаза. Кто-нибудь забыл бы его на моем рабочем столе, в кафе на стуле или бы я его купила, не в силах объяснить самой себе, зачем это делаю. Просто бы купила, просто открыла и увидела...

Но как бы то ни было, за три недели до того последнего вечера моей прежней жизни я пошла в аптеку. И это стало началом моей истории...

Три недели назад

Разумеется, в тот момент я вовсе не подозревала о планах судьбы на мой счет. Я поднялась с постели ровно в семь, дождавшись, когда прозвенит будильник, сердитая и даже несчастная. Накануне мы посидели с друзьями в пивном баре, я пребывала в отличном настроении, съела слишком много соленого, что и неудивительно, когда пьешь пиво. А между тем мне следовало бы придерживаться диеты. Не скажу, что у меня серьезные проблемы с желудком, но иногда он напоминает о себе. Вечер прошел отлично, ближе к двенадцати я оказалась дома и вдруг с грустью подумала, что среди моих многочисленных друзей нет ни одного, кто мог бы стать тем единственным, о котором я мечтала.

Дверь моей квартиры — точно некий пропускной пункт, переход из мира реального в мир мечты. И вот

уже нет бесшабашного веселья, громкого смеха, анекдотов, а на плечи, как мой любимый плед в клеточку, опускается печаль.

Я постояла у окна, потом приняла душ и легла спать. Но уснуть мне не удалось. Организм начал мстить за мою беспечность, боль не утихала, и я побрела на кухню принять таблетку но-шпы. Вот тут-то и выяснилось, что баночка пуста. Проклиная себя за расхлябанность, я вернулась в спальню. Часа через два боль вроде бы утихла или я просто привыкла к ней, но я наконец уснула. Под утро я дважды просыпалась, поэтому первое, что значилось в моем плане на сегодняшний день, было посещение аптеки.

Утро началось без привычной чашки кофе. Я торопливо оделась, вышла из дома на двадцать минут раньше обыкновенного, чтобы успеть зайти в аптеку. Та, что была неподалеку от моего дома, открывалась только в девять, и я направилась к остановке. Возле офиса, где я работала, тоже есть аптека.

Троллейбус был переполнен, как всегда в это время, но теперь толпа меня раздражала, может, оттого и боль становилась все сильнее, вызывая еще большее раздражение и досаду. Троллейбус остановился метров за пятьсот до нужной мне остановки: отключили электричество. Гул голосов, всеобщее недовольство, толпа хлынула к двери, и я почувствовала себя щепкой в океане или листком на ветру. Сразу же захотелось выбраться из толпы, отгородиться, обособиться.

Я почти бежала, нервно поглядывая на часы. Аптека была открыта. Две старушки топтались у заветного окошка, долгие вопросы, терпеливые объяснения. Это тоже раздражало. «День не удался», — подумала я, и боль в моем теле тут же ответила: «Не удался, не удался». Чепуха, сейчас выпью но-шпу — и все пройдет.

Боль исчезнет, я успею на работу вовремя, а троллейбусы вновь начнут ходить...

Наконец подошла моя очередь. Я купила сразу три баночки но-шпы, решив одну держать дома, другую на работе, а третью носить в сумке, чтобы не попасть впросак, как вчера. Две баночки убрала, а из третьей торопливо высыпала на ладонь две таблетки и быстро проглотила. Ну вот, еще немного терпения...

— Это вы уронили? — раздался голос за спиной, и я повернулась.

Рядом стояла женщина лет сорока. Ее я тоже помню очень хорошо. Строгое лицо, глаза за темными стеклами очков казались сердитыми, хотя голос звучал вежливо, даже ласково. Красивый низкий голос.

— Это вы уронили? — вновь спросила она. Возле моих ног лежал носовой платок.

Мы наклонились одновременно, даже на мгновение коснулись друг друга, из ее рук выскользнул журнал и упал к моим ногам. Женщина первой взяла платок, а я подняла журнал.

— Какой красивый, — сказала она, возвращая мне платок. — Такой жалко потерять. Наверное, очень дорогой...

— Нет, — улыбнулась я. — Обычный платок. Монограмму на нем я вышила сама.

— Да что вы? — Теперь взгляд ее стал изучающим, она словно сомневалась в моих словах. — Моя мама умела вышивать, — сообщила она с грустью. — А я — нет.

Я не знала что ответить, но моего ответа и не ждали. Женщина резко повернула к выходу и почти мгновенно исчезла за стеклянной дверью, и только тогда я сообразила, что все еще держу журнал, прижимаю его локтем левой руки, в которой у меня была сумка, а в правой — платок. Я поспешно сунула платок в карман и вышла

вслед за женщиной. Я огляделась, чтобы окликнуть ее и вернуть журнал. Но женщины нигде не было. Некоторое время я стояла, выискивая ее взглядом в толпе спешащих людей, потом перевела взгляд на машины, что приткнулись по соседству.

Эта женщина возникла в моей жизни лишь на мгновение. Случайность? Но в тот момент я думала не об этом, я взглянула на часы, на журнал в руке и зашагала к офису. У меня оставалось всего несколько минут, а журнал не кошелек.

Вот так он и оказался в моей сумке. В рабочей суматохе я о журнале, конечно, забыла. А возвращаясь домой, расплачиваясь за проезд, обнаружила его в сумке и принялась листать от нечего делать. Полчаса времени, место возле окна. Журнал выходил в нашем городе и стоил двадцать рублей. Реклама, программа телепередач, театральная афиша... опять реклама... В красной рамке большими буквами: «Хочешь узнать свою судьбу?» — и веночек в виде сердечек.

Хочу ли я узнать свою судьбу? Я улыбнулась. Может, она совсем рядом — моя судьба? Вон за тем поворотом или в одной из машин, что мелькают за окном? Или в троллейбусе. Может, даже в этом... Я огляделась, приглядываясь к лицам. Молодой мужчина улыбнулся, я тут же уткнулась в журнал. А если это он? Нет. Не хочу. Я нахмурилась. Под веночком из сердечек были телефон и адрес: «Вторая Ямская, 73». Я невольно посмотрела в окно. Еще одна случайность? И да, и нет. Конечно, я знала, что троллейбус идет по Второй Ямской, но мне и в голову не приходило обращать внимание на нумерацию домов.

Я повернула голову и увидела пятиэтажку из желтого кирпича. Магазин «Садовод», нотариальная контора,

а вот и номер на фасаде — 73. Троллейбус тормозит, и я иду к выходу. Почему я это сделала? Любопытство? Желание подтолкнуть судьбу?

Я направилась к семьдесят третьему дому. Странно, что все остальное память запечатлела плохо. Вход со двора, обычная однокомнатная квартира, женщина лет пятидесяти, она в черном платье, с ниткой бус, крупные камни розового цвета, родонит, кажется. Огромный перстень в половину ладони, короткие, пухлые пальцы, толстый слой пудры на лице, румянец. Женщина была похожа на престарелую гейшу. Писклявый голос, настороженный взгляд. Я сразу пожалела, что пришла. Но повернуться и уйти сочла невежливым.

Предсказание стоило шестьсот рублей. Мой бюджет способен вынести такую трату. И я осталась. Мы устроились за стеклянным столом прямоугольной формы, и женщина достала карты Таро из резной шкатулки.

До этого я никогда их не видела. Возможно, поэтому меня так заинтересовала первая выпавшая карта. Она легла на стол, повинувшись плавному жесту пухлой руки. Я стала вглядываться в рисунок: человек подвешен за одну ногу. О значении второй карты догадаться было нетрудно: символы смерти — череп, балахон, коса...

Лицо женщины приняло озабоченное выражение.

— Что это? — спросила я и потянулась к первой карте, но моя рука неожиданно замерла, и я осталась сидеть в нелепой позе, глядя на женщину.

— Вам следует быть осторожной, — вздохнула она. — И приготовиться к испытаниям. Все будет хорошо, только надо потерпеть. У вас есть недоброжелатели, — очень тихо продолжила она, голос ее звучал ласково, точно она рассказывала сказку перед сном. — Вы могли умереть, но добрые силы не позволили этому произойти. Смерть заменили двумя годами подвешенного состояния.

— Кто заменил? — мысленно усмехаясь, спросила я.

— Судьба, — просто ответила женщина, пожимая плечами.

Похоже, ей было все равно, верю я или нет. Мне опять захотелось уйти, я не могла припомнить ни одного врага, желающего мне смерти. Если только Марина, она ревновала меня к своему парню. Однако вряд ли она столь кровожадна, тем более что доподлинно знает, как он мне безразличен.

— Что с вами произошло недавно? — спросила женщина. — Авария?

Первая мысль: как она догадалась? На моем лице никаких следов, мне тогда вообще повезло: ни переломов, ни ссадин, ни ушибов. Потом скажут, что я родилась в рубашке. Только бампер машины стал напоминать какой-то экзотический цветок, да помято левое крыло. Через неделю я должна получить машину из ремонта. А вдруг в этих картах что-то есть?

— Авария, — кивнула я под выразительным взглядом женщины.

— Вы могли погибнуть, но этого, слава богу, не случилось. Но ничто не бывает просто так. Теперь вам предстоит два года сомнений, метаний, беспокойства. Помните, их надо просто пережить. А потом все будет хорошо. Видите карту? Вы встретите свою любовь.

— Через два года?

— Нет, раньше. Но из-за вашего состояния вы долго не сможете понять, что человек рядом с вами — ваш избранник. Но когда наконец поймете, станете по-настоящему счастливы. Так говорят карты. А они не лгут.

«Что ж, за шестьсот рублей не так уж и плохо, — подумала я. — По крайней мере, мне обещано счастье». Обещанного, как известно, три года ждут, а она сказала — меньше двух, выходит, мне повезло.

— Вы сомневаетесь? — улыбнулась женщина, понаблюдав за мной.

— Нет, — пожала я плечами. Я, конечно, сомневалась, но авария не давала мне покоя. Как она догадалась?

— Вы очень романтичны, — заметила женщина. — Вам кажется, что вас тяготит одиночество, но оно вам нравится. Вы любите мечтать, а по-настоящему мечтать можно только в одиночестве. В кресле, с любимой книжкой в руках, когда горят свечи, звучит музыка... Какую музыку вы любите? Вивальди?

— Верди.

— Да-да, Верди, — кивнула она. — Травиата умирает. Белые камелии, жертвенная любовь... Горячий чай, плед в клеточку, и вы впятером...

Мне стало трудно дышать, руки вспотели, и я спросила растерянно:

— Что вы сказали?

— Одиночество впятером, — улыбнулась она. — Это совсем простая загадка. Разве нет?

— Да, наверное, — кивнула я. И потом уже не могла думать ни о чем, кроме этих ее слов. Может быть, вправду загадка совсем простая? Не может она в самом деле знать...

Когда мне было семнадцать лет, я написала стихотворение:

Мы сидим впятером
И плачем над счастьем,
И смеемся над горем.
Мы сидим впятером,
И удача над нами,
И разлука над морем.
Мы сидим впятером,
Перекинемся взглядом
И опять замолчим.

Мы сидим впятером,
Ничего нам не надо,
Никого не хотим.
Мы сидим впятером,
Обсуждаем погоду
И смущенно моргаем.
Мы сидим впятером,
Кипятим к чаю воду
И печаль запиваем.
Мы сидим впятером.
Мы одни во Вселенной.
Мы сидим впятером:
Я и стены.

Конечно, она не может знать. Это совпадение, совпадение. Она еще что-то говорила, теперь я уже не могу вспомнить что. Знаю только, что разговор меня увлек и я уже никуда не спешила.

— Когда вы родились? — спросила женщина. — Хотите, я составлю ваш гороскоп? Это вам ничего не будет стоить.

— Почему же...

— Вы мне нравитесь, — сказала она. — Далеко не все, кто приходит сюда, мне нравятся.

Она, не поднимаясь с кресла, подкатила ближе стол на колесиках, раздался щелчок, крышка стола отъехала в сторону, и я увидела экран.

— Компьютер?

— Конечно. Куда сейчас без компьютера? — улыбнулась женщина.

Я пробыла у нее больше двух часов. Я много о себе рассказывала. Как-то так вышло. Никогда до этого я так много не говорила о себе. Звезды подтвердили, что некоторое время я буду пребывать в состоянии нестабильности, а потом... потом счастье, конечно.

В дверь позвонили.

— Извините, — сказала женщина и пошла встречать очередного клиента. А мне вдруг стало стыдно. Я веду себя ужасно глупо. Визит к гадалке — само по себе глупость, а раскрывать ей душу... Я поторопилась проститься, заплатив положенные шестьсот рублей. Домой я возвращалась пешком, все еще браня себя и даже злясь. Уже возле дома решила, что к моей сегодняшней болтовне стоит отнестись как к разговорам в купе со случайным попутчиком. Выбросить из головы и забыть. И я действительно забыла, по крайней мере не вспоминала ни об этой женщине, ни о ее предсказании.

Вечер

Но в тот последний вечер моей прежней жизни я неожиданно вспомнила наш разговор, обвела взглядом свою комнату и улыбнулась.

— Совпадение, — прошептала я, рисуя сердечко на стекле. — Совпадение, и ничего больше.

Я перевела взгляд на часы: пора ложиться. Запах лаванды должен навевать романтические сны. Я поставила томик Переса-Реверте на его законное место в шкафу, легла и счастливо закрыла глаза. В одном гадалка, безусловно, права: мечтать лучше всего в одиночестве.

Утром будильник не зазвонил, села батарейка. Хорошо, что мой внутренний будильник никогда меня не подводил, я открыла глаза ровно в семь. Подождала звонка, удивилась, приподнялась на локте и даже потрясла будильник, который показывал половину четвертого утра. Ненужные движения, которые делаешь автоматически, не думая, а потом досадуя на себя.

— Безобразие, — сказала я, должно быть адресуюсь к батарее, и на носочках прошествовала в ванную. В детстве я мечтала стать балериной. И сейчас иногда я вижу себя Одеттой, огромный зал рукоплещет, а я превращаюсь в прекрасную белую птицу. И вот уже ни зала, ни людского шума, только бесконечный простор неба...

Душ, чашка кофе, бутерброд. Макияж, укладка волос («Я могла бы работать парикмахером», — неизменно думаю я, ловко орудуя щеткой и феном). Ежедневник в сумку, ключи от машины, распахиваю входную дверь.

Дорога на работу, легкая паника, что нет места на стоянке, первое «привет» на входе, кивки направо и налево, улыбки. Обычное утро.

Таким оно было до одиннадцати. В одиннадцать я открыла почтовый ящик и увидела сообщение. Черные буквы во весь экран: «Я на тебя смотрю. Я тебя вижу. Азазель». Я прочитала это не меньше пяти раз, пытаюсь понять, что сие значит. Дурацкий розыгрыш, вот что. Я набрала в грудь воздуха, собираясь высказаться по этому поводу.

— Что за хрень, а? — разнеслось по комнате, разделенной прозрачными перегородками. Опережая меня, кричала Людка Баранова. Крайний слева стол. — Что за придурок послал мне это?

— В чем дело? — в проходе появился Сергей Юрьевич, наш непосредственный начальник.

— Я спрашиваю, кто прислал мне эту гадость? — не унималась Людка.

— Людмила, — теперь голос Сергея Юрьевича звучал укоризненно.

— Придурки... Нет, в самом деле, по-вашему, это смешно?

Она всех заинтриговала, народ потянулся к ее столу, на экране ее компьютера светилась надпись, в точности как у меня: «Я на тебя смотрю. Я тебя вижу. Азазель».

— Чушь какая-то, — нахмурилась Зинаида, глядя на экран. — Работать надо, а не шутки шутить.

— И мне такую же хрень прислали, — ритмично двигая челюстями с неизменной жвачкой во рту, сказала Ольга Лосева.

— И мне, — сказала я. — Только что обнаружила.

— А я еще утром. — Ольга недовольно оглядела коллег.

— Надеюсь, тебе не пришло в голову... — возмутилась Зинаида.

Ольга ее перебила:

— Да мне по фигу. Пишет какой-то дурак от безделья. — И она направилась к своему столу.

— А мне вот интересно, что это за дурак, — возвысила голос Людмила.

— Премии за такие шутки лишать надо, — назидательно изрекла Зинаида.

— Да с чего вы взяли, что это кто-то из наших? — возмутился Сергей Юрьевич.

— А кому еще надо? — резонно ответила Людка.

— Отлично, — кивнул он. — Шутник уже слышал, будем лишать премии. А теперь давайте работать.

Все нехотя разбрелись по рабочим местам.

Где-то через час я отправилась обедать. В кафе ко мне подошла Людка.

— Что ты об этом думаешь? — спросила она хмуро, устраиваясь напротив меня за столом.

— О чем? — не поняла я.

— Кто, по-твоему, это написал?

— Понятия не имею. Ольга права: плюнь и забудь.

— А почему нам троим? Он что-то имел в виду. Нас ведь даже ничего не связывает, если не считать работы.

— Слушай, не забивай себе голову, — перебила я. — Кому-то пришла охота развлечься.

— Конечно. Знаешь, у меня странное чувство. Будто за мной и вправду кто-то наблюдает.

— Не валяй дурака. Из-за чьей-то глупой шутки...

— Да все я понимаю, — отмахнулась Людка, уставившись в угол. Мыслями она ушла далеко отсюда. Голубая жилка на виске заметно пульсировала, руки нервно двигались от салфетки к ножу и обратно. Непрерывное бессмысленное движение, которое выдавало ее волнение. Над верхней губой выступили капельки пота, хотя в кафе работал кондиционер. Взгляд ее был странным, точно она спала с открытыми глазами.

— Эй, — позвала я, но она не повернула головы и не отвела взгляда. Сидела, застыв, лишь руки нервно двигались, будто жили сами по себе, и это почему-то было страшно. Нелепо и страшно. Не спасал ни гул голосов, ни смех, ни улыбки, ни брошенное на ходу «привет», ни солнечный свет, заливавший пространство кафе через огромное окно. Может быть, из-за яркого солнечного света фигура Людмилы казалась скорбной, как статуя на могиле. Отрешенный взгляд, опущенные плечи. Она как будто видела свою судьбу и смирилась с ней. — Мне не нравится твое настроение, — выйдя из оцепенения, сказала я. — В конце концов, не одной тебе прислали эту гадость. Хочешь, выясним, кто прислал? Хотя вряд ли... у нас умник на умнике... В общем, пьем кофе и забываем об этой глупости.

— Да, конечно. — Людмила вздохнула и попробовала улыбнуться.

Ближе к концу рабочего дня мне понадобилось сходить в архив. Наш офис находился в огромном девяти-